

# ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ  
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 131 (3632)

Суббота, 3 ноября 1956 г.

Цена 40 коп.



## В ПРЕДПРАЗДНИЧНЫЕ ДНИ...



В Ленинграде так много интересных памятных мест, связанных с революционными событиями, с историей нашей страны, что мне нелегко было выбрать «объект» для предпраздничного рисунка. Все просилось на карандаш!

Все же я решил дать зарисовку Кировского завода — старой рабочей Нарвской заставы. И не только потому, что я знаю этот район с детства и могу видеть, какие разительные перемены произошли в нем за годы Советской власти.

Кировцам есть чем гордиться и сегодня, в канун тридцатидесятой годовщины Октября. За последние годы коллективу завода за успешную работу пять раз подряд присуждалось Красное знамя Совета Министров Союза ССР и ВЦСПС. В эти предпраздничные дни ленинградцы узнали, что и по итогам минувшего квартала Кировскому заводу вновь присуждена эта почетная награда.

Рисовал я в момент, когда кончилась смена. Многие спешили в магазины за покупками. Кто-то подбегал на своей «Победе» за товарищем, — они сгрудились в машину телевизор. Вышепалились праздничные флаги.

## Писатель — выразитель дум народных

Искусство художника слова — это боевое и страстное искусство, обращенное к народу. Если писатель талантлив, если он приносит на суд читателей выстраданное произведение, в котором открывается что-то новое, помогает людям разобраться в жизни, в ее больших и малых потоках, если, наконец, он заставляет нас ненавидеть всяческую дрянность и мерзость и любить то, что действительно заслуживает поощрения, — такой писатель сразу же находит путь в сердце читателя. Его книга становится другом и советчиком.

Писатель не может быть равнодушным ремесленником-сочинителем, безразличным к судьбе современника, к жизни общества, в котором он живет. Лучшие наши книги всегда были глашатаями общественных идей, а настоящие художники выступали выразителями народных дум. Советскому народу можно с полным правом назвать многих писателей нашего времени.

Горячую гражданскую заинтересованность в судьбе народа, верность правде и гуманизму советская литература переняла у великих русских писателей, связавших свою жизнь и творчество с жизнью и судьбой простого народа. Вспомним, как неистово и последовательно отстаивали добро и справедливость Пушкин и Белинский, Некрасов и Дедовичев, Салтыков-Щедрин и Чернышевский, Гоголь и Толстой; как, путешествуя по стране, по ее городам и весям, разделяли с народом горе, гнев и нужду, создавали свои произведения Короленко и Успенский, как Гаршин, надев солдатскую шинель, пошел добровольцем на фронт, чтобы потом поведать о душе солдата. В страданиях и бедах народных, в повседневных делах трудовых людей проходили писатели свои университеты, здесь черпали свои сюжеты и учились великому искусству слова. Гениальный Горький исколесил Россию пешком, деля с народом все его радости и печали. В народе, в пролетариате он увидел непобедимую силу революции, с которой, связав всю свою жизнь, это был великий подвиг писателя-гражданина.

Советские писатели на разных этапах истории революции шли в одном строю с народом. Верные сыны народа, они отдавали свое вдохновение, жар сердца и пламенную мысль делу Ленина, делу партии, делу социализма. Можно с гордостью говорить о том, что за тридцать девять лет Советской власти у нас утвердился новый тип писателя-революционера, бескорыстно и честно бьющего за интересы трудящихся.

Начем в плечу с рабочими Питера и Москвы, с революционными солдатами и партизанами Дальнего Востока в дни Октябрьского штурма и в годы героической гражданской войны сражались за Советскую власть будущие писатели, теперь уже представители старшего поколения нашей литературы. Безусмысленно в духе и в плече с народом на Дону начал свой путь Шолохов, в Чапаевской дивизии сражался Фурманов, бойцом Первой Конной был пламенный Вишневский, за удачу и храбрость юного Гайдара был назначен командиром полка, в дальневосточном тайге, в партизанском отряде воевал Фадеев, в красноармейской шинели вошел в поэзию Багратион. В самой гуще революционных боев, в недрах народной жизни созрело искусство и родилась бесстрашная правда их прекрасных книг.

В годы мирного строительства лучшие книги писали художники, которые пристально вглядывались в действительность, ждали будущих героев своих произведений среди строителей перенесенной нашей индустрии, в деревне, которая переживала ломку старых устоев и переходила на рельсы новой, колхозной жизни.

Советская литература кровно связана с судьбой народа, писатели вместе с рабочими классом, крестьянством и интеллигенцией делили все, что переживала страна. В военную страду, в гонимые битвы с фашизмом, литераторы разных поколений вступали в ряды Советской Армии, сражались в народном ополчении, в партизанских отрядах. Весь народ наш свято чтит память Героя Советского Союза татарского поэта Давлатия, замученного гитлеровскими палачами, скромного и талантливого писателя Брымова и многих других патриотов-художников, павших смертью храбрых на поле боя.

Советский писатель — гражданин и труженик. Специфика его труда требует большого напряжения всех духовных и физических сил. Каждый настоящий художник, создавая произведение, многое должен знать, передумать, выстрадать.

На него ложится огромная ответственность перед читателями, перед народом. Чтобы рассказать о жизни без прикрас и лакировки, он должен знать до мельчайших тонкостей то, о чем пишет, должен в совершенстве владеть живописью словом, искусством лепки живых, сложных и многогранных характеров.

Такие писатели были и остаются многие наши художники. Знать жизнь — значит проникать в самое существо явлений, в подспудные, часто невидимые для простого глаза течения действительности, вскрывать смысл фактов и событий, увлекая читателя правдой художественного вымысла, правдой не только фактов, но и правдой чувств. «Если уже писать, то только тогда, когда не можешь не писать», — говорил Л. Н. Толстой.

А сколько у нас появилось, да и появляется и теперь серых и нудных книг, которые лежат на книжных полках, покрываясь пылью. Их даже переиздают, они порой наводняют библиотеки и магазины. Такие книги написаны ремесленниками, которым нечего сказать своим читателям. С болью и горечью многие читатели говорят о таких литераторах. И справедливо! На писателя народ смотрит с надеждой, он ждет от него откровенного и мужественного разговора о жизни, ищет в книгах ответа на те вопросы, которые его волнуют, которыми он живет.

Было время, когда некоторые писатели, отступив от славных боевых традиций советской литературы, оторвались от народной жизни, в среде литераторов появились сановники, люди, замыкающиеся в своих книгах трудностях нашей борьбы и нашего роста. Тяжелые раны советской литературе нанес культ личности, породивший в некоторой части писательской среды пустое словословие, легковесное изображение действительности. С этим временем связано и порождение у ряда писателей барочных замашек, которым сама писательская общественность дала репутацию отпора.

Исторические решения XX съезда КПСС ставят перед всеми писателями новые ответственные задачи. Советские литераторы должны стать надежными помощниками партии во всех областях нашей жизни. Работать по-старому, мириться с калугерством, с серостью, с самодовольством в литературном деле нельзя.

В напряженном, нередко мучительном труде проходит жизнь настоящих художников слова. Только со стороны, да и то не очень умным людям, может показаться, что писательский труд легкий и безмятежен. Труд писателя сопряжен с упорным и порою мучительным поисками, с кропотливой работой. Писатель может встретиться и на целинных землях, и на заводах, в Сибири, на Дальнем Востоке, на Урале, в колхозах средней полосы. Многие литераторы живут среди героев своих будущих книг, трудятся вместе с ними. Без этого и нельзя. Мы помним, как Борис Горбатов вымывал с поляриками на севере и потом выпустил книгу «Обыкновенная Арктика». Своим человеком он был на шахтах Донбасса — вот и появился роман «Донбасс».

Но пока еще не всякий писатель считает своей обязанностью глубоко и серьезно вникать в жизнь народа. В творчески боеспособном и большом коллективе советских писателей есть немало того, что необходимо пересмотреть и сделать. Еще многие хорошие замыслы не находят художественного воплощения в книгах, есть писатели, годами не выпускающие новых книг, есть и равнодушные, и казенщина в нашей работе.

Быть выразителем народных дум — высокое призвание литератора. Ложь и полуправда, скольжение по поверхности, бедность идей и чувств в изображении современника не должны иметь места в произведениях нашей литературы.

Влаке к народу, к его труду, к его повседневной будничной жизни — такое требование читателей к своим писателям. Пусть вся работа писателя проходит в том великом беспокоестве, которое превосходно выразил тонкий художник А. П. Чехов словами: «Если я врач, то мне нужны больные и больница; если я литератор, то мне нужно жить среди народа, а не на Малой Дмитровке, с манускриптом. Нужен хоть кусочек общественной и политической жизни, хоть маленький кусочек, а эта жизнь в четырех стенах без природы, без людей, без отечества, без здоровья и аппетита — это не жизнь».

Наши писатели — не только летописцы, но и участники великих дел, озаренных гением Ленина, совершаемых народом под руководством Коммунистической партии. И дело чести советских литераторов — быть советью народа, выразителем его дум и чаяний на великом пути строительства нового, коммунистического общества.

## Хорошие вести

То ли потому, что лето было особенно напряженным, то ли потому, что в последнее время произошло столько событий, люди и не заметили, как быстро пролетело время. Поэтому таким неожиданным оказался первый снег. Народ встречает зиму с полными амбарами, убранными полями, садами и огородами, в теплых и уютных домах.

За два последних месяца только на западной окраине Алма-Аты, вдоль магистрали, связывающей столицы Киргизии и Казахстана, появились ровные ряды домов из камышта, изготовленного на местных заводах. За лето в Алма-Ате построено несколько сот таких домов. Особенно усилились темпы строительства в предпраздничные дни.

Если направиться по Артиллерийской улице за реку Весновку, то взору открывается вид на новый жилой городок. Здесь находились раньше опытные поля Казахского института земледелия. Городок вырос за два года. В нем больше ста красивых многоквартирных зданий. К празднику будет сдано еще три корпуса.

Асфальтируются улицы, даже переулки. Жаль только, что в новых кварталах нет телефонов, а как сказал мне на днях министр связи Казахской ССР А. Носков, «возможно, их не будет и в ближайшие десять месяцев». Нет и радио. В предпраздничные дни отсутствует телефон и радио ощущается особенно остро. Как хочется поговорить и поделиться мыслями с далеким другом, послушать последние вести с заводов, фабрик, строит. из совхозов, колхозов.

Интересных новостей сейчас в республике много. Подвигаются итоги предпраздничного соревнования шахтеров Караганды, возводятся насылы Дороги дружбы — еще одной магистрали, которая соединит два великих государства — СССР и Китай;

многие районы и области заканчивают вывозку зерна из отдаленных пунктов, рапортуя о завершении плана пахоты под зябь; в магазинах появились новые телевизоры...

А 30 октября в Театре оперы и балета имени Абая открылась сессия Верховного Совета Казахской ССР. Председатель Президиума Верховного Совета Ж. Ташиев под бурные аплодисменты сообщил о награждении Казахстана орденом Ленина и поздравил трудящихся республики с высокой наградой.

Сессия единодушно приняла обращение ко всем рабочим и работникам, колхозникам и колхозницам, интеллигентам, ко всем трудящимся Казахстана.

Так, подводя итоги большого труда, радуя страну своими успехами, встречает тридцатидесятую годовщину Великого Октября орденоносный Казахстан.

А. АЛИМЖАНОВ  
АЛМА-АТА

## Хлеб с Востока

Почему спросите вы, я прислал в праздничном номере рисунок пустынного на первый взгляд причала Бакинского порта?

Здесь нет еще никаких внешних признаков наступающего праздника — ни лозунов, ни плакатов, ни флагов расцветания на судах.

И все же посещение порта создало праздничное настроение. Дело в том, что на пути к причалам высятся груды золотистой пшеницы, над головой то и дело проплывают огромные ковши, до краев наполненные зерном. Шла разгрузка судов «Казахстан» и «Азербайджанец», только что прибывших из Краснодарска. И даже большой нефтяной лайнер «Ишимбай» почему-то пришвартовался... к пловучему элеватору. Оказалось, что в трюмах этого судна — вовсе не горючее, а то же целинное зерно нового урожая! Это ли не праздничный сюжет для художника!

Ведь совсем недавно мы возили кубанский хлеб через Баку на Восток. А теперь вот зерно, собранное на целинных землях Казахстана, хлынуло с Востока в республику Закавказья. Поток оказался таким мощным, что с ним не смогли справиться обычные сухогрузные суда и баржи. Вот и пришлось срочно приспособить к зерноперевозкам гораздо более вместительные трюмы «Ишимбай». Сейчас разгружаются в «зерновозы» еще два нефтяных судна. Одно из них будет готово к празднику.

«Целинному хлебу — большую дорогу!» — прочитал я на одном из плакатов. Под этим лозунгом трудятся в предпраздничные дни работники Бакинского порта.

ВАКУ  
Художник А. КЕРИМОВ

Москва заканчивает последние приготовления к празднику. Идут торжественные заседания и вечера. В клубах происходят встречи с ветеранами революции. Готовы танно, транспаранты, лозунги, которые вот-вот засветятся на фасадах домов. Празднично украшены на заводах доски почетов...

Пройдитесь по городу, и всюду увидите эти приметы предстоящих народных торжеств. Некоторые из них я и зарисовал.

Первым и самым верным признаком всегда было освещение на Центральном телеграфе, где вечера, чтобы сдать поздравительную депешу, уже надо было стать в очередь. Проще и быстрее я смог сделать это в вестибюле станции метро Комсомольская-кольцевая, о чем свидетельствует вторая сверху рисунку.

Над ГУМом плакат: «Подарки к 7 ноября». И здесь очередь, как, впрочем, и в магазинах, где продается сувениры ГУМ заполнен в эти дни шумной, живописной толпой — москвичи, приезжие с периферии, иностранные туристы.

А какой же праздник мыслить без цветов? Какой же праздничный стол без букетов? В Москве — снег, холодно, а на улицах идет торговля цветами. В серый, пасмурный день они ярко и сочно пылают на площади Революции в серебристой пылке осени.

Художник А. ВОРНСОВ  
МОСКВА

## Сибирь, село Заковряжино...

С. СМОЛЯНИЦКИЙ, собственный корреспондент «Литературной газеты»

Они будут комбайнерами, трактористами, полеводцами. Я хочу, чтобы не удовлетворяли их вечерние табушки под трехъяруску в полутемном клубе, чтобы снутиками их и их друзей стала хорошая книга, хорошая музыка, настоящая поэзия, постоянное стремление к знанию.

Волнуясь, рассказывает Эльвира Николаевна о онакосте сибирских ребят с Москвой, со своими давними друзьями и корреспондентами.

Не забуду, как я ждала нашу Галю Дубовицкую у дома народной артистки республики Натальи Петровны Рождественской, от которой мы получили немало теплых, сердечных писем. Я волновалась: ведь Галю пошла она, как она там будет вести себя, не застенчивая ли? Но, когда я увидела ликующее лицо Гали, нагруженной пакетами для школы, все мои опасения рассеялись. Дело было, конечно, не в подарках, хотя среди них была наша лавниная мечта — долгоиграющие пластинки с записью «Пиковой дамы».

Слушая Эльвиру Николаевну, я все время ловил себя на мысли, что где-то я уже видел, встречал ее.

Что-то очень знакомое чувствовалось в ее энергичной манере говорить и даже в том, что черты характера — увлеченность делом, упорство, скрытая сила — так выявлялись с внешним обликом этой девушки...

Это ощущение усилилось, когда Эльвира Николаевна поведала об «эпопее», предшествовавшей поездке в столицу. Все было против — роно, облоно, райисполком. И не потому, что не было денег, а просто потому, что никогда еще такие экскурсии никто в районе не затевал, да и в чьей они? А заместитель заведующего областью Тимошенко вообще категорически запретил поездку: министр-де не разрешает «вольные» экскурсии. Тогда Горюхина обратилась к колхозникам. Было создано специальное собрание.

Пусть ребята поедут, посмотрят Москву, а вернутся — и нам расскажут, — говорили колхозники. — денег на такое дело жалеть нечего.

Закоряжино, весьма недумственные намеки на тяжелые последствия, вплоть до организационных выводов в случае неповиновения.

И все-таки, — заключила Эльвира Николаевна, — в Москве мы побывали! Я решила на это потому, что видела: учителя и родители учеников на моей стороне. А понаблюдать снова поехать — что ж, мы готовы!

Много интересного о своих учениках рассказала мне тогда Эльвира Николаевна. И еще я узнал, что Новосибирск — ее родной город, где она жила с матерью, старой учительницей, что после окончания Педагогического института Горюхина направилась в одну из городских школ, что директор Новосибирского театра юного зрителя долго уговаривал ее пойти к нему ассистентом, но она предпочла Заковряжино — село, куда в бурани и онгопаны не ходит даже почтовая лодья.

«24 августа 1956 г. Заковряжино Юрий Владимирович! Что же это такое? Неужели все, чем я занимаюсь, действительно не нужно? И зачем я вчера выступала! Как хорошо, что мне не дали слова на съезде, иначе бы там был скандал еще больше. А ведь мне вчера так и сказали: за то, что вы пытались сорвать конференцию, устроили базар, поучите по заслугам!»

О чем я говорила? О Москве, о сельских ребятах, о том, что по-настоящему меня понало только колхозники... Я не могла не рассказать о той великой радости, которую сама испытала, видя, что сельские ребята, те самые, которые воспринимали балет как физкультурные номера по непонятную музыку, восхитались классическим балетом, что те ребята, которые раньше скептически относились к моим рассказам о Третьяковке, теперь приобщились к этому миру высокой правды и большой красоты. Я с возмущением рассказывала о тех наших общественных деятелях, которые не только не помогли мне морально, но и пытались сорвать поездку. И потом началось что-то невероятное. Сидевшие в президиуме были шокированы моим выступлением — началось ужас что!

Письмо это — два тетрадных листа, мелко исписанных стремительным почерком, — адресовано Юрию Владимировичу Шарову, заведующему кафедрой педагогики Новосибирского педагогического института. Шаров внимательно следит за работой своей бывшей студентки, поддерживает ее.

Октябрь, и Ленин Неотделимы на века!

Иван МОЛЧАНОВ  
Россия

Неотделим огонь от дыма, От крыльев — сокола полет; Душа волны неотделима от бури, рвущейся вперед. Неотделим России гений От дерзких дум большевика. И на земле — Октябрь, и Ленин Неотделимы на века!







Поэма «На путях свободы» была задумана автором как большое эпическое произведение о жизни и борьбе народа в годы первой мировой войны...

Глава XXVII

Одно теперь во мне желанье, Одно тревога из тревог: Взглянуть на край путей-дорог, На тот конец повествованья...

А командир — он пешка, нуль, Не больше, чем соломы кулы; Беседы, проповеди в моде...

И думай, что кружились ране, Даже на ум пришли опять — Свобода! Что ж, готов принять!

А дисциплины никакой, На каждой станции — шумиха, И белгелы по горстке, тихо Текут с вешничками домой...

Народ-мудрец! О, ты не дикий! Ты — вечный труженик, герой, В былинах сказках гений твой...

Вздыхает — порожики привез, А моговые солдаты Снежат под кров родимой хаты...

Дружил с ним старый бог Перун, Герой мой встал, — вот дело намил! Минул платформу, грязный двор...

Разговор о театре

Обсуждение статьи М. Романова

31 октября в Московском Доме актера состоялось организованное Всероссийским театральным обществом обсуждение статьи М. Романова «О товарищах по искусству»...

Все из роли в роль. А между тем наши театральные школы не воспитывают в каждом стремлении найти свой путь в искусстве...

индивидуальности в искусстве не обобщить. Сейчас очень много говорят о разоблачении культуры личности, сказала Сухарева...

Интонация поэта

А. БОЧАРОВ

ДАЖЕ закрыв книгу стихов полниного поэта, не освобождаемся мы от их магической силы. Словно затихающий звук струны, отдается в нашем сердце...

Эти строфы мы найдем только в черновом варианте песни «Снова замерло все до рассвета...». Вместо них поэт написал: Может статься, она — недалеко, Да не знает — е ли ты ждешь?

русской поэзии о неповторимой, каждый раз впервые открытой любви, а Исаковский — поэт-песенник — ограничивается простым песенным оборотом «отдать сердце»...

все взять исключительно в свои руки? Оглянитесь на его прошлое. На протяжении всей своей жизни как революционера сколько раз он должен был вынимать меч из ножен...

(Входит Засулич к Плевахановым). За сулич. Вот, вы просили Георгия Валентиновича, и я привожу его. Плеваханов (очень спокойно). Вы хотите со мной проститься? Я пришел позвать вас руку. Проститесь. Но только в чем, собственно, дело, господа? Мне все прошедшее странно и непонятно.

Плеваханов (к Владимиру Ильичу). А вы говорите, разрыв. Нет, Владимир Ильич, мы с вами вместе еще будем колотить в нашей общей газете «экономисты» и оппортунистов всех мастей. Я согласен на условия совместной работы.

Есть такая интонация и у Михаила Исаковского — одного из любимых наших поэтов. Как всегда, очень грустно, а может быть, и невозможно, определить эту интонацию одним словом. Но, пожалуй, с наибольшей степенью точности можно было бы назвать ее эпитетом светлая.

Видно, сила в русском народе потребность не только в срывании всех и всяческих масок, но и в романтическом прояслении добра, света, солнца. Народ принимает только то, что отвечает его чаяниям и чувствам. И, значит, песни Исаковского отвечают, и отвечают по полному счету, без оскорбительной сниски на «актуальность», «нужность», «значимость» темы.

Лучше нету того цветку, Когда яблонка цветет; Веселее беседы нету, Когда шарочка придет.



# АГРЕССИЯ ПРОТИВ ЕГИПТА ОСУЖДЕНА ВО ВСЕМ МИРЕ



С момента возникновения Суэцкого кризиса на территории Египта не прекращаются перемещение и концентрация английских войск. Это делается несмотря на заявление правительства Ливии о том, что оно не позволит превратить территорию страны в плацдарм для нападения на соседние арабские государства. На снимке британские танки в Ливии. Снимок из французского журнала «Жур де Франс».

## Народ защищает свободу

Когда 23 июля 1952 года началась революция, Египет был в трудном положении. Английские империалисты уверяли Египет в том, что они готовы вывести 80 тысяч своих солдат из зоны Суэцкого канала, но при условии, что они смогут снова заполнить «вакуум» в зоне канала в соответствии с англо-египетским военным соглашением. Иначе говоря, они хотели сохранить в Египте свое господство, наложить лапу на самостоятельность страны, установить контроль над его политикой.

Что касается режима, то в Египте действовала теоретически неплохая конституция и существовал парламент, практически же король мог разогнать парламент и в нужный момент призвать на помощь войска англичан. В экономической и социальной жизни огромная пропасть разделяла бедных и богатых. Двенадцать тысяч помещиков владели половиной всех пахотных земель в стране, в то время как два миллиона крестьян владели мельчайшими карликовыми хозяйствами, а два с половиной миллиона крестьянских семей вообще не имели земли. Огромные земельные массивы принадлежали королевской династии. Промышленность принадлежала кучке льдопов. Иногда один человек, как, например, Абд-Наша, держал в своих руках все сахарное и спиртовое производство.

Таким образом, перед революцией стояли проблемы свержения монархии и изгнания англичан, а в экономической и социальной жизни — ликвидация пропасти между классами и подъема жизненного уровня народа.

В результате партизанской войны в зоне Суэцкого канала англичане были вынуждены эвакуировать свои войска из зоны Суэцкого канала. Эта эвакуация производилась без каких-либо условий, так как Египет твердо отказывался войти в любую группировку, подобную Северо-атлантическому пакту или Багдадскому блоку. Но с тех пор Англия то угрозами, то обещаниями не прекращала своих попыток втянуть Египет в какое-либо военное соглашение. Египет же использовал все свое влияние для того, чтобы убедить арабские страны не входить в подобные соглашения. На Бандунгской конференции он защищал политику мирного сосуществования, освобождения колониальных народов и отказа от военных союзов.

Главная ошибка Англии и западных стран в том, что они принимают политику нового Египта за личную политику Насера и надеются, что в результате свержения Насера можно будет добиться изменения политического курса. Иден сказал даже в английском парламенте, что у Англии разговора не с египетским народом, а с Насером. Он прибавил, что для свержения египетского президента нужно воспользоваться положением в зоне Суэцкого канала. Но мы можем их заверить, что Насер — это Египет и каждый честный египтянин — Насер.

Эта статья М. Мандура, главы делегации египетских писателей, посетившей недавно нашу страну, была написана для «Литературной газеты» 28 октября.

## Коричневые шарлатаны

Снова «Белокурой бестии»!

Когда капитализировала нацистская «III империя», едва ли в мире были столь наивно-беспечные оптимисты, которые полагают, что фашизм, вынужденный сложить оружие агрессии, полностью разоружился и морально. Предстояла сложная, но многообещающая задача: очистить Германию от чудовищной болезни бредового нацистского учения. Решающую роль в коренном обновлении политической и духовной жизни Германии должны были сыграть глубокие демократические преобразования, предусмотренные Потсдамскими решениями. Однако случилось так (причины общеизвестны), что преобразования эти были осуществлены лишь в одной, восточной части страны.

И вот, обуреваемая внешнею Западной Германиею, с ее почти 50-миллионным населением, с крупным экономическим потенциалом, мы видим, что на арену снова выходят предательский Фридрих Ницше, этим предтечей фашистских идеологов, «хищный зверь», жадно ищущий добычи и победы белокурой бестии, она «опять стремится на дикий простор». Голос этой бестии звучит на сборищах реваншистских милитаристов, и те, кто совершал чудовищные преступления против человечности, преступления, которые морально нельзя искупить никаким наказанием, вновь обращаются к немецкому народу со страниц книг, газет, журналов, не уступающих гитлеровской печати ни по своему реваншистскому азарту, ни по нацистской фразеологии.

Обратимся к фактам.

Претенденты на «золотую булавку»

Еще в начале этого года газета «Нейе Рейнштейнунг», давая исчерпывающую характеристику некоторым западногерманским публикациям, писала, что, например, издательство Шлотера в течение ряда лет выпускает книги, авторов которых

Гейбель наградила бы знаками отличия, а самого Шлотера — золотой булавкой и счастливой с венком! Напомним, что эти регалии вручались лишь за высшие заслуги перед нацистской карьерой. Другая, к тому же весьма консервативная газета («Кельнские рунды») утверждала, что издательство Шлотера специализировалось на выпуске «чудовищно провокационных, неонацистских книг и что они даже единственные в своем роде». Но тут газета нацистской пропаганды в ФРГ соревнуется с Шлотером такой специалист этого дела, как бывший заместитель имперского шефа печати «III империи» Зондерман. Будучи ныне руководителем издательства Дроффель, — одной из штаб-квартир неонацизма в Западной Германии, — Зондерман выпускает «труды» Риббентропа, Гесса, Лингпета (бывшего редактора погромного листка Гейбельса «Ангрифф») и свои собственные. А от него и от Шлотера в этом деле не отстают их единомышленники в других фашистских издательствах. Итог этого «соревнования» достаточно внушительный: в 1955 году в ФРГ было издано 700 фашистских, реваншистско-милитаристских книг общим тиражом почти в 3 миллиона экземпляров. «Единичные» явления?

При этом, как с циничной откровенностью размышляет тот же Зондерман, достигнутое — только лишь «преюдия» к возрождению нацистской литературы, с чем он рекомендует «примириться». А как широко, с каким энтузиазмом под сенью бюрократической конституции рекламируется эта «преюдия»? Высшую похвалу получает в печати панегирик в честь Гесса как «платящую» немцу вновь выходящий реакционный журнал «Геополитик» благодарит Гуго К. Бахтауза за то, что он в своей книге «Народ без руководства» «оправдывает (!) оклеветанный и искаженный нацизм». Герман Поинг в Малой энцикло-

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Нет в эти дни ни одного уголка на земном шаре, где люди с застенчивым дыханием не следили бы за событиями в Египте. Злодеяние англо-французских империалистов — вооруженная интервенция против независимой Египетской Республики — вызвало возмущение всех народов мира.

Телеграф принес весть о новой бомбардировке авиацией Англии и Франции египетских городов — Каира, Александрии, Исмании и Суэца. Пролитая кровь мирных людей, виновных лишь в том, что они хотят видеть свою родину свободной и независимой. Цель агрессоров — наследственный захват Суэцкого канала и оккупация Египта. Напрасно французская правая печать, ссылаясь на «авторитетные круги», пытается утверждать, будто «речь идет просто о временной оккупации Суэцкого канала, чтобы положить конец израильско-египетскому конфликту». Каждому объективному человеку ясно, что действия Израиля были продиктованы стремлением западных держав оккупировать египетскую территорию.

Мировая общественность решительно осуждает преступные действия правительств Англии, Франции и Израиля. Можно без преувеличения сказать, что изоляция Англии и Франции на международной арене растет с каждым часом. Советское правительство в своем Заявлении о вооруженной агрессии против Египта подчеркнуло, что агрессивные действия в отношении Египта несовместимы с принципами и целями ООН и являются грубым нарушением обязательств, принятых на себя государствами — членами Организации Объединенных Наций. О своей солидарности с Египтом и его правой борьбой заявили правительства всех арабских стран, страны народной демократии, страны — участницы Бандунгской конференции. Широкий положительный отклик вызвало предложение, сделанное Н. А. Булганиным в письме к премьер-министру Индии Неру, об экстренном созыве совещания участников Бандунгской конференции, которые смогли бы потребовать немедленного прекращения интервенции и вывода войск с территории Египта.

## Мы с вами, друзья

Уже несколько дней на священной земле Египта совершается отвратительное злодеяние. Англо-французские войска бомбят с воды и воздуха мирные города и селения Египта, проливают кровь египетских детей и матерей. Правительство Израиля ввело с провокационными целями свои войска в Египет.

Всякий, кто мало-мальски разбирается в политике, поймет, глядя на карту, что никогда не была бы начата эта война, не совершилось бы это преступление, если бы за спиной израильских экстремистов не стояли монополизистские воротилы Англии и Франции, пытающиеся, вопреки воле всей мировой общественности, приносить национальное достоинство египетского народа — Суэцкий канал.

Совсем недавно, на пути из Японии, мне довелось провести полтора часа на Каирском аэродроме. Был тот ранний час перед рассветом, когда только-только пробиваются слабые блики наступающего дня. В те дни Египет уже жила напряженной жизнью. Англо-французские войска концентрировались на базах в Средиземном море.

Я видел глаза и лица египтян, служивших аэродрому, встречавших и провожавших тех, кто оказался в эту раннюю пору на Каирском аэродроме в качестве пассажиров, ожидающих отлета. Это были глаза людей, исполненных даже в эти тревожные дни радости и гордости за свой народ, за то новое, что вошло в жизнь Египта за последние месяцы.

Надо же остаться в моей памяти раннее утро, когда наш самолет поднялся в небо и взял курс по направлению к Средиземному морю. Уже светало. Проспалась египетская земля. Видны были первые путники на узких дорогах.

Должны бороться мы не на словах — нужна нам твердость мужества в руках! Нам Нил веками жизнь несет, Пусть чужеземец с Нила прочь уйдет! Ему неужестиво народа по душе, Пусть наша кровь течет — он в барыне! А если отдадим ему Суэц, Он нас совсем задушит, наконец. Так встанем на суэцком берегу, — Сокровищ наших не выдать врагу!

Вместе с египетским поэтом все человечество восклицает: пусть чужеземец с Нила прочь уйдет!

Мы, советские люди, обращая свои взоры к Египту, к многоводному Нилу, к берегам Суэцкого канала, к каждому египтянину, к каждой египетской матери, говорим: мы с вами, друзья, с вами в вашей борьбе, мы убеждены в вашей победе!

Мухаммед МАНДУР, египетский писатель

И вот сейчас, когда читаешь сообщения газет, слушаешь скучные слова радиопередач, снова и снова схватывает сердце гнев против агрессоров, мастеров международных провокаций и авантю, которые хотят снова заковать в кандалы колониализма людей, уже вдохнувших широкую грядку воздуха свободы и национальной независимости.

Весь мир с тревогой смотрит на карту, на которой написано короткое слово «Суэц». Еще раз на глазах всего человечества происходит событие, которое напоминает XVIII или XIX век, когда британские колониалисты порабощали людей, отличающихся от захватчиков только тем, что у них были доверчивые сердца и не было огнестрельного оружия.

Дорога колониализма еще не заросла травой. Но через тысяч людей, пропавших в Азии и Африке, два с половиной народа колониальных стран сбросили железное иго колониализма, но, как видно, империализм, — а в этом и есть жестокая правда борьбы между человеческим и античеловеческим, — не сдастся и не уйдет сам по себе.

Наступило тяжелое, грозное время, тяжелые испытания для дела мира во всемирном. Но все передовые люди, миллионы людей, разбросанных по большому и малым странам мира, в эти часы — вместе с египтянами, вместе с народами арабских стран, поднявшимися на борьбу с колониализмом!

Сейчас там, где еще несколько дней назад вдоль желтых берегов Суэцкого канала спокойно проходили под флагами всех стран большие и малые корабли, воздух содрогается от взрывов английских и французских бомб.

Египетский поэт Хафиз Ибрагим в стихотворении «Суэц — богатство моего народа» писал:

Должны бороться мы не на словах — нужна нам твердость мужества в руках! Нам Нил веками жизнь несет, Пусть чужеземец с Нила прочь уйдет! Ему неужестиво народа по душе, Пусть наша кровь течет — он в барыне! А если отдадим ему Суэц, Он нас совсем задушит, наконец. Так встанем на суэцком берегу, — Сокровищ наших не выдать врагу!

Вместе с египетским поэтом все человечество восклицает: пусть чужеземец с Нила прочь уйдет!

Анатоль СОФРОНОВ

# ВОЗДУХ РОДИНЫ

Молодой китайский ученый Се Цзя-лин прохаживался по верхней палубе лайнера «Президент Кливленд». Минуту уже неслышимо стучало по его спокойному сентябрьскому плечу, как корабль оторвался от Сан-Франциско на Запад. Позади остались берега Америки. Впереди были Гонконг, Иокосага, Манила.

В Гонконге предстояла длительная стоянка. Пассажиры сошли на берег. Многие отравились гулять по тенистому городу, расположенному на берегах красивой бухты. Вернулись они, когда солнце уже было близко к закату и корабль готовился к отплытию. И тут произошло нежданное. На борт поднялись трое. Это были агенты ФБР американского разведки.

Пожалуй, в первые минуты Се Цзя-лин чувствовал себя спокойно. С загранпаспортом все было в порядке. Американское правительство разрешило ему и еще восьми китайским ученым и студентам, проживавшим в США, вернуться на родину. Тревога появилась позднее, когда Се Цзя-лина позвали в каюту капитана. Там же находились остальные китайские пассажиры, а на столе перед одним из агентов лежал список пассажиров «Президента Кливленда». Против девяти фамилий стояли какие-то пометки.

Капитан с раскрасневшимся лицом, очевидно, не первый раз повторял:

— Я не могу задерживать сухопутных этих пассажиров на самом де трюма. Сколько времени уйдет, пока поднимем наверх! Чистый убыток компании!

— Ничего не можем сделать. Вещи подлежат проверке.

Спор затягивался. Посовещавшись, агенты ФБР изменили свое требование: пусть чомоланы останутся, а девять китайцев должны сойти на берег.

Сопротивляясь этому приговору было бесполезно. С тоской следил Се Цзя-лин, как в дали моря исчез силуэт корабля.

Во почему их задержали?

Через океан полетели телеграммы. Одна, другая, третья... Наконец, пришел ответ: закон не разрешает выезд из США людям, окончившим там факультеты физики, в страны, с которыми Америка находится во «враждебных отношениях».

Десять дней прожили в Гонконге задержанные Столбы местных реакционных газет являли собой картину пошлой истории. Начав грязную травлю китайских пассажиров, они пугали, что-де с парохода сядили «опасных коммунистов».

Ни телефонные звонки, ни телеграммы в госдепартамент не помогли. И ученый взял билет на ближайший пароход, следовавший обратно в США.

Было это в октябре 1951 года, когда на родине Се Цзя-лина по крестьянскому лунному календарю наступало осеннее равноденствие и вслед за ним «золотых рос». Пора тихих безветренных дней, спокойного, прозрачного и чистого неба.

Мы беседуем с Се Цзя-лином в его маленькой уютной квартире в одном из пекинских домов, каких немало воздвигнуто в Западной районе китайской столицы. Пожалуй, по размаху и темпам строительных работ этот район можно сравнить с известными Песчаными улицами Москвы.

Я смотрю в дружелюбное лицо хозяина и думаю: долгие годы пробыл он в стране, где вся идеологическая машина, весь строй жизни направлены к тому, чтобы убедить людей в незыблемости капиталистического рабства, что нет ничего выше так называемой «частной инициативы».

Опустил ли он в полной мере иной пульс жизни своего народа? Сумел ли по-настоящему выжить в те перемены, что принесла стране последние, равные столетиям годы? Ведь приходилось еще встречать на предприятных и в институтах Китая людей, получивших образование в капиталистических государствах и до недавнего времени настроенно присматривавшихся к социалистическим преобразованиям в стране: подождем — увидим.

Се Цзя-лин продолжает свой рассказ. Еще летом 1943 года он окончил факультет физики Пекинского университета и мечтал о большой исследовательской деятельности. Но в гоминдановском Китае это было невозможно. В 1947 году ему удалось выехать в Америку. На родине остались жена и четырехмесячный сынчик.

Завершив учебу в Калифорнийском университете, Се Цзя-лин получил степень магистра. Позднее, уже в Стэнфордском университете, ему присваивают звание доктора. Осенью 1949 года, когда в США пришла весть, что в Китае провозглашена Народная Республика, Се Цзя-лин начал собираться домой. Однако враждебно настроенное против нового Китая американское правительство не выпускало из страны ни одного китайца. Только в середине 1951 года после долгих мятельств заявления удовлетворили. 23 сентября он писал своей жене с борта «Президента Кливленда»: «Пожидая Америку, я не испытываю к ней никаких теплых чувств, хотя и пробыл здесь четыре года. Наоборот, когда корабль вышел в море, я почувствовал облегчение. И морские волны, набегая одна на другую, словно радовались вместе со мной...»

Как уже рассказывалось, дальние Гавайских островов добраться не удалось. Только спустя четыре года Се Цзя-лин смог наконец снова собраться в дорогу.

И снова реакционные газеты кричали, что ученый-физик возвращается не по своей воле, а под давлением «китайских агентов».

— И вот после восьми лет разлуки, — тихо говорит ученый, — я снова на родине.

— Ну, а как остальные пассажиры, которых задержали первый раз?

— На той группе до сих пор не приехали Лю Ань-хуа и Лин Хань. Тем же, кто вернулся домой, предоставлены все условия для научной деятельности. Чжань Пань-сю, например, преподает в Уханьском университете. Чао Ши-цзя — профессор медицинского института в Харбине...

Случилось так, что через месяц я встретил в Ухани профессора Чжана Пань-сю. Здесь, в университете, он ведет курс ядерной физики. С радостью рассказывал он о своей работе, делился планами.

Чувство радости испытывают ныне многие люди науки. В Министерстве высшего образования нам рассказали, что из других стран вернулись в КНР уже более 1 600 студентов и ученых.

Когда-то о старом раздробленном феодальном Китае говорили, что он подобен «блюдцу рассыпанного песка». Теперь Китай, могучая единая держава, собирает со всего мира заброшенных в прошлом на чужбину сынов своих и дочерей.

На самом юге Китая лежит остров Хайнань. Здесь тянутся навстречу солнцу высокие ковыстые пальмы и апельсинные рощи, растут бананы и ананасы. Среди зеленых нагорий раскинулись плантации гозоса «Синлун». В нем живет 4 000 бывших китайских эмигрантов. Они прибыли на родину из США, Малайи, Таиланда и других стран.

— Мы, как советские патриоты, — говорил директор гозоса Лю Чжао-вань, — «далеко от Пекина» отвоевывали землю, боролись с болезнями, истребляли зверей.

Мы долго пробыли в гозосе «Синлун». Осматривали плантации кофейных деревьев на холмах, наблюдали, как под бамбуковыми навесами в больших котлах рабочие извлекали из померзших трав драгоценные масла, нужные парфюмерной промышленности. Казалось, в воздухе смешались ароматы лучших духов мира. Нам рассказали, что подобный гозос расположен и на западе острова, что эмигранты продолжают прибывать из зарубежных стран.

И я вспомнил слова ученого, сказанные им во время нашей беседы: «На родине легко дышать и работать».

Н. БАБИН



Се Цзя-лин в кругу своей семьи.

национальных интересов немецкого народа. В книге Ферда Фрида «Эволюция мирового хозяйства» фашистская агрессия представлена как «возмущение тех, кто был лишены своей доли» в мировом богатстве. Даже школьные учебники насыщаются этой нечистоплотной писаниной: в книге Фрица Зимонена говорится, что Гитлер старался «добыть территорию для поселения соотечественников», в «Моей книге истории» Граффа — «расширение Германии в восточном направлении приобрело для германского народа крупное значение». Словом, все делается для того, чтобы новой ложью морально компенсировать тех, кто верил в германский милитаризм и был им горько обманут. Фашистские флоры и их генералы — это, видите ли, «жесты» и «мученики», вальдирует нацистская пропаганда день за днем немецкому народу. Статьи и янки так именованы и озаглавлены: «Путь мученичества генерала», «Мученики Шпандау» (тюрма, в которой содержится в заключении гитлеровские военные преступники).

Когда же на одной из книжных ярмарок Западной Германии был выставлен «Военный бункер» Бертольда Брехта, в котором покойный писатель обрушил свой справедливый гнев на шестерку фашистских генералов, влиятельная газета «Ди вельт» пришла в ярость. Она договорилась до того, что подобные книги... «направлены против существования федеральной республике!» Иными словами, бонское государство проследило не в разоблачении, а «ди вельт» это подтвердила.

Вот в каком духе проводится воспитание народа! Для широкой деятельности претендентов на «золотые булавки» в ФРГ созданы весьма благоприятные условия.

Протесты протестам рознь

Справедливости ради должно отметить, что руководители некоторых органов западногерманской печати, буржуазной в том числе, и ряд организаций (Пенклуб, Грюнвальдский круг, Лесинговское общество и др.) протестуют против деятельности Шлотера, Зондермана и их присных, против захламления книжного

рынка нацистской литературой и даже требуют их судебного преследования. Это так. Например, «Штуттгартер ийтунг» в пространной статье «Политическая бульварщина и макулатура» предостерегает от недооценки «опасности одурманивания умов нацизмом». По словам другой крупной газеты («Франкфуртер альгемайне ийтунг»), опасность представляет собой не столько сама активность шлотеров и зондерманов, сколько терпимое отношение к их деятельности. И это сущая правда, ибо «коричневая литература» была бы не больше, чем продукцией изолированной группы «неисправимых» гитлеровцев, если бы не боннская политическая система с ее курсом на удушение всего демократического и развивающего новой агрессии.

Но странное дело, та же «Франкфуртер альгемайне ийтунг», обличающая «коричневых шарлатанов», спекулирующих на святы для народа понятия — любовь к родине, готовность к самопожертвованию, восторженно отзывается о книге одного из главных шарлатанов этого сорта, военного преступника, бывшего гитлеровского фельдмаршала и нынешнего боннского «демократа» Манштейна. Его книгу, одно название которой — «Утраченные победы» — говорит о ее реваншистском характере, газета горячо рекомендует всем «мыслящим солдатам», величайшим из корыстей, по ее словам, и является... сам Манштейн.

К сожалению, удивительная манера протестовать размахивать одной рукой и поддерживать то же самое другой характеру для ряда западногерманских буржуазных органов.

Подобную же двойственную или, точнее говоря, лицемерную позицию занимает Союз западногерманских издателей. По решению руководства этого союза, в 1956 году на книжную ярмарку во Франкфурте-на-Майне не было допущено ни од-

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, В. ИВАНОВ, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, В. ОВЕЧКИН, С. СМЕРНОВ, В. ФРОЛОВ.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, отдели: литература народов СССР — Б 8-59-17, информации — К 4-03-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68, Коммутор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.